

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И СМИ

Детство,
опаленное войной

2–3

Из летописи Движения
«Россия Православная»

4–5

В эпицентре боли.
О днях военных медиков в зоне СВО

6–8

ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ НЕ ПРОЙДЕТ

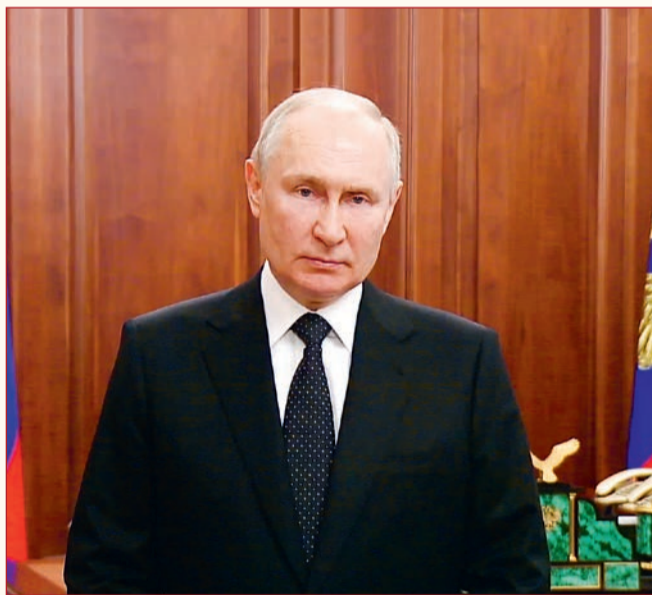
24 июня 2023 года в России была остановлена попытка вооруженного мятежа главы ЧВК «Вагнер» Е. Пригожина, который накануне вечером 23 июня обвинил «военное руководство» Российской Федерации в ракетном ударе по тыловым лагерям вагнеровцев и предпринял попытку выдвинуться к столице с «маршем справедливости».

Утром 24 июня Президент России В.В. Путин выступил с обращением к гражданам России на фоне ситуации с ЧВК «Вагнер». Утром того же дня состоялся телефонный разговор президентов Беларуси и России.

Главы союзных государств договорились о совместных действиях по урегулированию ситуации.

В течение всего дня длились переговоры Президента Беларуси А.Г. Лукашенко с Е. Пригожиным, в результате чего была достигнута договоренность «о недопустимости развязывания кровавой бойни» на территории России, остановке движения вооруженных лиц компании «Вагнер» и дальнейших шагах по деэскалации напряжения.

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Обращаюсь к гражданам России, к личному составу Вооруженных Сил, правоохранительных органов и специальных служб, к бойцам и командирам, которые сейчас сражаются на своих боевых позициях, отбивают атаки противника, делают это героически – знаю, сегодня еще раз ночью говорил с командующими всех направлений. Обращаюсь и к тем, кого обманом или угрозами втянули в преступную авантюру, толкнули на путь тяжкого преступления – вооруженного мятежа.

Россия сегодня ведет тяжелейшую борьбу за свое будущее, отражает агрессию неонацистов и их хозяев. Против нас направлена фактически вся военная, экономическая, информационная машина Запада. Мы боремся за жизнь и безопасность наших людей, за наш суверенитет и независимость. За право быть и оставаться Россией – государством с тысячелетней историей. Эта битва, когда решается судьба нашего народа, требует единения всех сил, единства, консолидации и ответственности. Когда в сторону должно быть отброшено все, что ослабляет нас, любые распри, которыми могут воспользоваться и пользуются наши внешние враги, чтобы подорвать нас изнутри.

И потому действия, которые раскалывают наше единство, – это, по сути, отступничество от своего народа, от боевых товарищей, которые сражаются сейчас на фронте. Это удар в спину нашей стране и нашему народу.

Именно такой удар был нанесен по России в 1917 году, когда страна вела Первую мировую войну. Но победу у нее украли. Интриги, склоки, политиканство за спиной армии и народа обернулись величайшим потрясением, разрушением армии и распадом государства, утратой громадных территорий. В итоге – трагедией гражданской войны.

Русские убивали русских, братья – братьев, а корыстную выгоду извлекали разного рода политические авантюристы да зарубежные силы, которые делили страну, рвали ее на части. Мы не дадим этому повториться. Защитим и наш народ, и нашу государственность от любых угроз. В том числе – от внутреннего предательства.

А то, с чем мы столкнулись – это именно предательство. Непомерные амбиции и личные интересы привели к измене. К измене и своей стране, и своему народу, и тому делу, за которое бок о бок с другими нашими частями и подразделениями сражались и погибли бойцы и командиры группы «Вагнер». Герои, которые освобождали Соледар и Артемовск, города и поселки Донбасса, сражались и отдавали свои жизни за Новороссию, за единство русского мира. Их имя и славу тоже предали те, кто пытается организовать мятеж, толкает страну к анархии и братоубийству. К поражению, в конечном итоге, и капитуляции.

Повторю, любая внутренняя смута – смертельная угроза для нашей государственности, для нас, как нации. Это удар по России, по нашему народу. И наши действия по защите Отечества от такой угрозы будут жесткие. Все, кто сознательно встал на путь предательства, кто готовил вооруженный мятеж, встал на путь шантажа и террористических методов, понесут неминуемое наказание, ответят и перед законом, и перед нашим народом.

Вооруженные Силы и другие государственные органы получили необходимые приказы, дополнительные меры антитеррористического характера вводятся сейчас в Москве, Московской области, ряде других регионов. Будут также предприняты решительные действия по стабилизации ситуации в Ростове-на-Дону. Она остается сложной, фактически заблокирована работа органов гражданского и военного управления.

Как Президент России и Верховный Главнокомандующий, как гражданин России сделаю все, чтобы отстоять страну, защитить конституционный строй, жизни, безопасность и свободу граждан.

Тот, кто организовал и готовил военный мятеж, кто поднял оружие на боевых товарищей, – предали Россию. И ответят за это. А тех, кого пытаются втянуть в это преступление, призываю не совершать роковую и трагическую, неповторимую ошибку, сделать единственно правильный выбор – прекратить участие в преступных действиях.

Верю, что мы сбережем и отстоим то, что дорого и свято для нас, и вместе с нашей Родиной мы одолеем любые испытания, станем еще сильнее.

ОБРАЩЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Дорогие братья и сестры!

Военное противостояние является испытанием, при котором мы еще более, нежели в иное время, призваны бережно хранить народное единство, молиться Богу, всеми силами поддерживать воинов и друг друга.

Сегодня, когда на фронтах, самоотверженно исполняя свой долг, сражаются и гибнут наши братья, когда враги направляют все усилия, чтобы уничтожить Россию, любая попытка посеять рознь внутри страны есть величайшее преступление, которое не имеет никаких оправданий.

Вознося молитвы о мирном разрешении сложившейся ситуации, как Предстоятель Русской Православной Церкви призываю одуматься тех, кто взял в руки оружие, готов направить его против своих собратьев. Перед лицом общей угрозы надлежит сохранять единомыслие, преодолевать обиды и личные амбиции. Как бы сложно это подчас ни было.

Поддерживаю усилия Главы Государства Российского, направленные на то, чтобы не допустить смуты в нашей стране.

Молюсь сам и призываю всех архиереев, священнослужителей, монашествующих и мирян возносить сугубые молитвы о том, чтобы Господь сохранил мир и единство, поставленные под угрозу призывами к смуте.

Да хранит Господь Россию, народ и воинство ее.

В преддверии даты начала Великой Отечественной войны воздадим дань уважения всем тем, кто сражался, кто отдал жизнь за возможность нашего настоящего и будущего, за свободу России и мира – ветеранам Великой Отечественной войны. В их ряду – Семен Иосифович Бройде. Его воспоминания о своем военном детстве, о тяготах войны, о том, что пережил он, его семья и страна, были впервые зачитаны Н.С. Михалковым на передаче «Бессогон ТВ» в 70-летнюю годовщину Победы.

Прожив многотрудную жизнь – 23 марта 2023 года Семену Иосифовичу Бройде исполнилось 90 лет – автор воспоминаний, ветеран войны и труда, предвзято свои мемуары, писал: «мне очень обидно, что о Великой Отечественной войне современная молодежь практически ничего не знает. Да и откуда же она будет черпать знания о подвигах их отцов, дедов, прадедов, когда учебники истории неоднократно переписываются, а многие ее факты опускаются или же намеренно вычеркиваются, позволяя тем самым “западникам” все лавры победы в войне приписывать себе.

Очень жаль, что нет возможности довести истинные исторические факты о детях войны, о тех тяготах и лишениях, которые они перенесли на своих хрупких плечах, нынешнему поколению».

Публикуя проникновенные воспоминания Семена Иосифовича Бройде, мы хоть отчасти восполняем этот пробел.

ВОЙНА

Моя родина – город Загорск. Семья наша жила очень бедно. Отец не имел постоянной работы и ездил в другие города на заработки. Домой приезжал только на выходные, привозил деньги на житье. В мае 1941 года родители получили комнату в центре города, где необходимо было сделать ремонт. И папа отправляет нас – меня восьми лет, сестренку двух лет и беременную маму – к своим родителям под Гомель, где и застала нас война.

22 июня по радио объявили, что немцы напали на нашу страну. По лицам взрослых, разговорам и слезам я понял, что произошло что-то страшное. Что делать? Решили уехать домой. На восьмой день войны, рано утром, на полуторке, которая была у одного из родственников, выехали в сторону Москвы.

По железной дороге добраться куда-либо было уже невозможно. Ее и вокзал разбомбили напрочь. Вот какая картина открылась перед моими глазами у одной из встретившихся нам на пути станций. Все вокруг тлело, от товарных вагонов остались одни остовы, пассажирские вагоны разбиты. На платформах, рельсах, около вокзала – повсюду лежали трупы. После этого я целый месяц по ночам кричал, снилось все, что увидел.

Встретившиеся патрули нас предупредили, что в пути нужно быть очень осторожными: немецкая авиация уничтожала все двигавшиеся по центральной дороге машины. Так что до столицы мы добирались проселками.

Москва показалась тихой. На Ярославском вокзале нас ждал отец. Он повез нас домой. В Загорске мы жили месяц. Практически без вещей, без всего. Отец же уехал в

ОПАЛЕННОЕ ДЕТСТВО

Ярославль, где он в то время работал и где ему обещали дать маленькую комнатку.

Вскоре по настоянию отца мы выехали в Ярославль. Маму прямо с поезда забрали в родильный дом, а мы с сестрой остались на вокзале. Мама каким-то образом успела сообщить об этом папе. Он с солдатом прибежали на вокзал и отвезли нас к приятелю отца, с которым они вместе работали. Больше папу мы не видели. Он ушел на фронт, так и не дождавшись рождения сына.

1 сентября я, как и все сверстники, пошел в первый класс. Кругом только и слышалось: война... Немцы стремительно приближались к Москве. Мы учились мало: два урока в день. Остальное время группами ходили по дворам, собирая металлолом. На стене школы висел лозунг «Все для фронта, все для Победы!» Мы знали, что из этого металлолома делали снаряды, пушки для армии, которая защищала нашу Родину.

В первых числах октября 1941 года немецкие самолеты стали бомбить наш город днем и ночью. Какая же это была радость у мальчишек, когда сбитый немецкий самолет привезли и поставили на площади, и мы все бегали смотреть и кричали, что это наша Победа. Но немцы продолжали бомбить стратегический мост через Волгу, военные заводы и жилые кварталы. Одна из бомб попала в цирк, убив слона, и я это видел своими глазами. С этого момента нас, школьников, которые практически не учились, отвозили на трамвае за город, где мы каждый день убирали картошку, свеклу, морковь. Все это было нужно для фронта. Никто не капризничал, не жаловался на голод, холод, усталость. Вместе с учителями и директором школы мы выполняли эту работу.

В конце октября комиссар военкомата посоветовал маме забрать всех троих детей и срочно эвакуироваться, так как немцы были уже под Москвой. Он также сказал ей, что немцы не шадят никого, и особенно евреев. А то место, где мы были в мае у родителей отца, давно уже было занято немцами.

Забегая вперед, скажу, что в 60-х годах я с мамой поехал на машине в Гомель, где жили наши родственники до войны. Ни списаться, ни созвониться не было возможности. И, к нашему ужасу, за два дня поисков мы не нашли ни одного из родственников, которые здесь проживали. Никого. В полуразрушенных домах проживали совершенно другие люди. С трудом удалось узнать, что после нашего отъезда в 41-м году из Гомеля пришли немцы и в октябре вместе с полицейскими согнали несколько сотен евреев на площадь, в числе которых находилась и папина родня, погрузили в крытые автомашины и увезли в Польшу, в лагерь смерти «Освенцим». И вся жизньрадостная, веселая родня, которая трудилась, рожала детей, жила на благо Родины, в один день была сожжена. Их было более 50 человек...

ЭШЕЛОН СМЕРТИ

В начале ноября 1941 года мама с грудным двухмесячным ребенком, сестренкой и мною, сама, будучи инвалидом после перенесенного тифа, решает, что безопасней будет для семьи уехать из Ярославля. На последнем грузовом пароходе, куда знакомые в последний момент посадили нас с незначительными пожитками, мы отправились в эвакуацию вниз по Волге, не зная сами куда плывем. Плыли несколько дней. Было очень холодно, мы, как и другие, расположились среди ящиков контейнеров прямо на полу, поближе к моторному отсеку. Дней через 10 наш пароход прибыл в маленький город Сызрань, дальше он не плыл, и мы шли пешком несколько километров до железнодорожной станции.

На маленькой привокзальной площади скопилось очень большое количество людей, таких, как и мы, с маленькими детьми, старики. Помню, ночью на какой-то путь подали пустой товарный состав из большого количества вагонов, и вся толпа с площади бросилась к составу, многие падали через рельсы, кричали, толкались, на это было ужасно смотреть. Практически в полной темноте, так как света не было.

Как мы добрались до вагона, я уже не помню. Моей задачей было удержаться за маму и тащить за собой сестренку, чтобы не потеряться. Первой в вагон попала мама, положив на пол завернутого брата, я ей подал сестренку, а влезть самому не пришлось, так как меня оттолкнули. И когда весь товарный вагон был забит до отказа, я кое-как вскарабкался в вагон. Там было холодно и страшно, кому не хватило места внизу на полках, стояли или сидели на корточках.

как поезда уходили в разных направлениях.

Самое страшное было по утрам, когда в степь выносили умерших людей, завернутых в отрепье, их оставляли прямо в поле: хоронить было невозможно, так как земля была промерзшей, да и времени не было. В конце пути кто-то назвал наш эшелон «эшелоном смерти».

В конце ноября мы прибыли на станцию Макушино Курганской области. Это был тупик. Тысячи людей выгрузились из вагонов, на улице был мороз более 35 градусов. У вокзала стояло много подвод, ожидавших наш эшелон. Нас посадили на эти подводы и отправили по деревням. Ехали мы 18 километров, укутанные в тулупы, мама держала в руках подушку, где был завернут трехмесячный брат, а мы с сестренкой ехали, прижавшись к ней. Лошадь шла очень медленно, извозчик много раз повторял одну и ту же фразу: «Не спать, не спать».

Стемнело, когда мы добрались до деревушки, в которой было всего 11 покосившихся домов. До избы дошли с трудом, ноги не держали. Нас встретила 83-летняя бабушка. Мама положила подушку на лавку, раскрыла ее и при свете тускло горящей лампадки мы увидели, что ребенка нет... Я первый раз видел мать такой. Она смотрела на пустую подушку и молчала, даже не шелохнулась, только прижала меня и сестру к себе.

Дедушка, который нас привез, бросился на улицу, к дровням, и через некоторое время внес уже полузамерзшего брата в летнем одеяльце, который не подавал признаков жизни. Его раскрыли – это была замерзшая головешка. Что только ни делали: и водой брызгали, и по щекам хлопали, переворачивали – ничего. Ребенок не подавал признаков жизни. Бабушка забрала его на печку. Чуть позже зашла соседка, тоже пожилая. Что они с хозяйкой дома делали, так никто и не узнал, но в четыре утра раздался детский плач. Через день брат покрылся сплошным фурункулами, с головы до пяток. Лечили его семь месяцев, от боли он кричал почти всегда, успокаивался только тогда, когда старушки чем-то мазали его и заворачивали в простыню.

В ЭВАКУАЦИИ

На третий день к нам утром зашла бригадирша, которая была старшей в деревне. Она сказала, что все эвакуированные, от мала до велика, должны быть на сельхозработах. И вот наше положение: мама, инвалид, с грудным трехмесячным ребенком, сестренка двух лет и я, восьмилетний.

Бригадирша, понимая наше положение, сказала: «Ладно, давайте хлопца на работу, пусть кормит вас». Мне нашли валенки на вырост, шапку-ушанку большую, что глаз не было видно, пальто в три обхвата до земли, подвязали веревкой, чтобы не сваливалось, посадили в сани и повезли на склад зерна, где уже трудились 10 ребят от 11 до 16 лет. Две недели мы грузили зерно в мешки, мальчики постарше таскали их к выходу.

В декабре стали работать в лесу на заготовке дров. Они нужны были для топки паровозов, которые ходили на фронт. Для каждой бригады устанавливали норму в 10-12 деревьев в день. Две женщины пилили деревья, кто постарше – обрубал сучья и на козлах распиливал на чурки. А мы таскали эти чурки в сани – их потом увозили на стан-

цию. Один раз в день нам привозили горячий суп. Этого момента все ждали больше всего. И так каждый день.

Ежедневно в конце дня мне выдавали 10 картошин, каравай хлеба, крупу, для маленького брата пол-литра молока, когда забивали скот – требуху. И один раз в 10 дней давали полведра крови, которая, застывая, превращалась в студень. Что такое сахар, масло, мы и понятия не имели. Вот как мы питались. Мама потом рассказывала, что я в таком возрасте кормил всю семью.

Работали по 12 часов, без выходных. Даже болеть не имели права: заболеешь, семья останется голодной. Это был невыносимо тяжелый труд. Я приходил домой, ни есть, ни пить не мог, падал замертво от усталости. Женщины плакали, глядя на то, как тяжело приходится детям.

В марте нас перевели на ферму, где мы заготавливали навоз, кто постарше рубил его ломами, а мы, помладше, таскали эти куски прижимая к животу, складывали в кучу, а затем вывозили в поля. В мае начались посевные работы. Нас выстраивали в шеренгу, пять метров друг от друга, на шею вешали мешок с зерном, и мы раскидывали его по сторонам. Уходили за много километров. На подводах привозили еще зерна, и мы шли дальше, а потом на этих лошадях нас отвозили назад, в деревню.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К июлю 1942 года немцев отогнали от столицы, и сотни беженцев в ожидании вагонов в сторону Москвы сидели на привокзальной площади. В их числе были и мы. Какой был путь обратно до Ярославля, описать трудно и больно. Страшная жара, без пищи и воды. Зачастую вагоны отцепляли на 2-3 дня от воинского эшелона, и мы стояли в тупиках на станциях. А затем прицепляли, и так было 2 недели до приезда домой. Особенно страдал мой младший брат. Единственное его преимущество было в том, что мама кормила его грудью. Порой приходилось жевать прошлогоднюю солому, которой в вагоне было достаточно. Нам сказали, что в этих вагонах перевозили лошадей.

Ярославль встретил нас прямо с вокзала воздушной тревогой, немцы бомбили станцию с эшелонами военных и раненых. Трамваи не ходили, и мы целый день добирались до центра города. Дома нас ждал неприятный сюрприз. Наша комната была занята эвакуированной семьей из Ленинграда: мать, отец и сын 11 лет, так что целых 12 дней нам пришлось всемером жить в 19-метровой комнате. За это время мы получили продовольственные карточки и уже могли хоть что-нибудь на них получать.

Еще нас ждала похоронка, в которой говорилось, что отец погиб на фронте летом 1942 года. Это, конечно, было ударом по здоровью мамы. Мы все плакали, но надо было жить, хотя бы ради младших детей.

Мама устроилась в сапожную мастерскую, работала весь день. Моей задачей было добывать еду, нянчить младших сестру и брата. Мама весь день до 16 часов работала. Я с раннего утра стоял в очередях, чтобы отovarить карточки, на которых выдавались продукты на несколько дней. Но это был мизер продуктов, без мяса, без молока, без масла, без сахара. Хлеба выдавали сначала по 300 г, а потом по 250 г на человека. И можно себе представить, что недельные продукты мы съедали за 2 дня, и это было ужасно.

КОРМИЛЕЦ

Каждое утро я бежал к госпиталю. Там стояло 6 ящиков с отходами. Уже было заведено, что один из них мой; если кто покушался на него, я дрался. Собирал в мешочек очистки и остатки каши, которую не доедали раненые. Из очистков делал оладушки. Жарил их на примусе, вместо масла была вода, пар шел по всей квартире. Детям очень нравилась такая еда. Кашу оставлял на обед маме. Из крапивы, которую собирал, варили суп, добавляя в него полугнилу картошку.

Самое тяжелое – это была добыча керосина для примуса. Была одна лавка керосиновая в городе, очередь занимали с ночи, за полтора километра от дома, керосина выдавали по 3 литра.

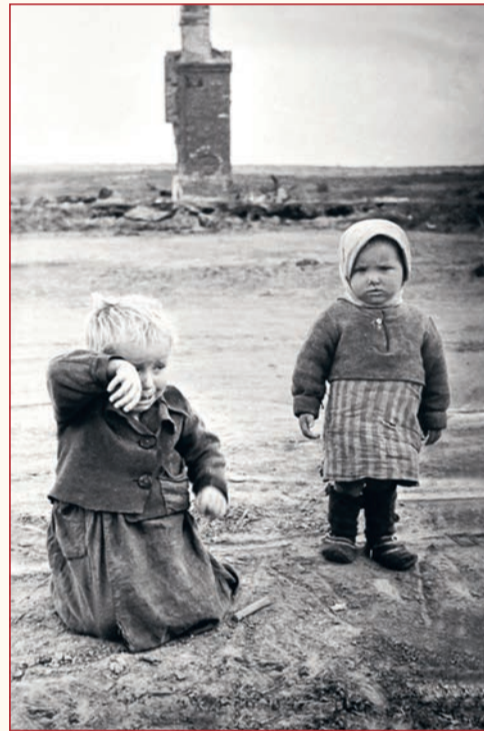
Мне приходилось бегать на реку Которосль, это тоже в полутора километрах от дома, на маленькой пилораме собирать опилки. Дома перебирал их, чтобы не попадались острые щепки, и варил пополам с перловкой, без масла, добавляя только соль. Ел сам, кормил детей и оставлял маме.

Конечно, мама после работы готовила кашу, супы из того, что я находил. Воды горячей не было, а холодная – с переборами. Чай всю войну пили с сахарином. Что такое конфеты, понятия не имели.

Зачастую очистки из картофеля промывали в холодной воде, натирали на терке, до крови на пальцах, жарил на сковородке оладьи, добавляя только соль и воду, масла не было. В комнате стоял пар, как в бане. Дети все время плакали, хотели есть. Мне очень жалко было маму, чем она питалась, не знаю, последнее отдавала нам. Ежедневно она стирала, грела воду, постоянно мыла нас. Мама до глубокой ночи перешивала нам одежду из старого, и кто что давал. Я всю войну не знал, что такое брюки и рубашка. Мне перешивали одежду из военных гимнастерок и галифе.

Мама ложилась спать за полночь, а в 6 часов утра шла на работу. Но зачастую спать нам не приходилось. Каждый день, как по расписанию, с 10 вечера и до 2 часов ночи бомбили немецкие самолеты, и иногда нас загоняли в бомбоубежище под домом, там было сыро и холодно. И это продолжалось до 1943 года. Нас, ребят, вместе со взрослыми во время бомбежек просили дежурить на крышах своих домов, выдавали большие толстые резиновые перчатки, у взрослых были длинные клещи, а у нас крючки. При попадании на дом зажигательных бомб мы со взрослыми должны были их обезвредить.

Мы видели много пожаров, особенно ночью. Как-то в 40 метрах от дома упала фугасная бомба и разнесла подстанцию, и мы остались без света. А двух ребят разорвало в клочья. Утром мы видели фрагменты их тел.

В 300 метрах от нашего дома, в бывшем пединституте, разместился госпиталь. От его стены тянулась улица Мологская. Так вот, в одну из ночей немецкие самолеты не смогли сбросить смертоносный груз на мост и военные заводы из-за сильного заградительного огня наших зениток. И в злобе, они разбомбили эту улицу, от начала до конца. Зарево от пожара и грохот стояли всю ночь. И когда утром мы прибежали посмотреть, что произошло, все дома до единого были сожжены. В основном были деревянные двух- и трехэтажные дома. Торчали кое-где печные трубы. А на железных кроватях и вокруг лежали обгорелые трупы детей и взрослых, которых покрывали зеленой тканью. Открытые грузовые машины прямо на наших глазах увозили эти тела. Их было несколько сотен. Крики и плач стояли вокруг.

Самая тяжелая пора надвигалась на нас – это заготовка дров. Парового отопления в городе не было, купить дрова было не на что и негде. А ведь у всех в домах было печное отопление. Необходимо было заготовить не менее 5 кубов на зиму. Забота о заготовке дров в нашей семье легла на меня. Каждый день по 2 раза мне приходилось за 1,5 км бегать на реку Которосль, на берег, собирать прибившиеся к берегу бревна после сплава и по одному, сырые двух- трехметровые бревна, привязывая длинной веревкой, тащить волоком на плечах в гору.

Склон от реки был очень крутой, я по нему тащил, и падал от бессилия, и снова тащил, пока не вытаскивал наверх. Так многие делали. И очевидцы, видя эту картину,

особенно женщины, плакали, помогая вытаскивать бревна наверх, а затем я, как бурлак, тащил их по каменистой дороге 1,5 км до дома. А мне было всего 10-11 лет. Рост у меня был очень маленький.

Когда притаскивал эти бревна во двор, я падал от изнеможения. На плечах у меня от веревок были кровавые подтеки. Мама каждый вечер мне их смазывала и из старых полотенец делала повязки, но это не помогало. У меня болели руки, плечи, живот. А что было делать?..

Так продолжалось до глубокой осени. Иногда приходилось идти по берегу на большое расстояние, чтобы что-то найти, а затем на веревке это бревно тащил по воде до места, где я вытаскивал бревна на берег.

Счастье иногда заключалось в том, чтобы по улице, в полкилометра, удавалось зацепить бревно за грузовые машины, которые медленно и очень редко ходили. Веревку наматывал на правую руку, где было привязано бревно, а левой держался за машину, а на перекрестке потом спрыгивал. Эту картину видели сотни людей и пленные немцы. И о чем они думали в это время, глядя на маленького оборванного «бурлака». А у многих из них, наверное, дома, росли такие же, дети, как я.

Мы с мамой пилили бревна по вечерам и ночам, иногда нам помогали соседи. Колот дрова я сам, складывая их в сарае, а затем осень и зиму таскал их на второй этаж в нашу комнату.

Когда мама была на работе, я чем было кормил маленьких сестру и брата, расстилал на пол старые пальто, одеяло, сажал детей на это отрепье, привязывал веревкой каждого за

ногу к ножке стола, чтоб не могли уползти, давал им игрушки, какие были в доме, и убежал на промыслы. Каждый раз, прибегая домой, я еще на лестнице слышал плач детей. Приходилось менять одежду, замачивать в холодной воде. Успокаивал их, привязывал к столу и убежал дальше. Конечно, очень жалко было детей.

Однажды я попробовал брата посадить на подоконник. Он был у нас очень широкий. Брат успокаивался, когда видел проходящие трамваи, машины, людей. Я в это время выбегал в дом напротив, там был магазин, подходила моя очередь по отовариванию карточек. Мне было видно из окна магазина свое окно, а, однажды, когда моя очередь почти подошла, я вдруг увидел, что малыш передвигается к краю подоконника. Окно было не заперто, оно открылось, и проходившие по тротуару люди, увидев, что ребенок находится к краю карниза, закричали.

Мужчины и женщины образовали круг, чтоб его поймать. В это время я бросил карточку продавщице и, что было сил побежал в дом. Вбежав в комнату, я ринулся к окну и схватил уже падающего малыша. Непонятно откуда только взялись силы. Он даже не успел напугаться, а внизу я слышал гул людей и назидание, что нельзя детей одних оставлять. Это было, наверное, третье рождение моего брата.

В августе 1942-44 годов записывали детей, которые должны были учиться, но, видя наше положение и обстановку, уходили и говорили, если будет возможность, чтоб я приходил учиться. Но положение в семье было

настолько серьезное, что об учебе не могло быть и речи.

В середине ноября 1942 года мама договорилась с руководством сапожной мастерской о том, что я буду работать там же посменно, мама – утром, я – вечером. Меня прикрепили к одному сапожнику-инвалиду, которому сначала я помогал как подсобный рабочий, а потом самостоятельно стал подшивать валенки, делать мелкий ремонт военных сапог. Эту продукцию и ремонт обуви мы делали для раненых госпиталя.

В мастерской был один выходной – воскресенье. И каждый выходной я брал ящик, который мне смастерили, доставал 2 щетки, бархатку и гуталин, который мы с мамой варили по ночам, и уезжал на Московский вокзал. Там у меня было свое место, где я чистил обувь в большинстве своем военным и раненым. Чистой обуви я занимался и на другом вокзале. Туда было тяжело добираться: транспорт не ходил. Чистил обувь и в центре города. И так всю войну.

Многие из солдат и офицеров за работу давали мне не только деньги, но и хлеб, тушенку. Многие, особенно раненые, отдавали свои гимнастерки и галифе. Какая же была радость, когда я в дом приносил одну, иногда и 2 банки тушенки. Даже начальник вокзала, видя, что я голодный, приносил мне, как он выражался, сухой паек, который собирала ему жена на обед, и делился со мной.

И все это невероятное для тех времен богатство я спешил поскорее принести домой, чтобы накормить брата и сестру, хотя сам был вечно голодным. Конечно, о каких-либо играх с приятелями и речи быть не могло. Хотелось лишь одного – поесть и выспаться.

В 1943 году мама сломала ногу, и все заботы о семье легли на меня. Мне приходилось работать за маму и делать все, что связано с домашним хозяйством.

Иногда случалась беда: продовольственные карточки воровали или вырывали из рук, и тогда семья на это время практически умирала. Особенно мне запомнился 1943-1944 годы, когда я трижды умирал от голода, от истощения и непосильного труда, все три раза я, видимо, был в глубоком обмороке.

Однажды я упал на улице. По городу в то время постоянно курсировала машина, которая собирала трупы. Меня увидели, подняли и закинули в кузов. Привезли в морг, выгрузили, и, когда сверху бросили еще кого-то, от удара я очнулся. Не мог понять, где нахожусь, еле выбрался, меня качало. Не помню, как добрался до дома.

Второй раз плохо стало дома. В 5 часов утра мама не могла меня разбудить на работу – я не просыпался. Приехавший врач констатировал мою смерть от истощения. Выписал справку о смерти и предупредил, что машина из морга приедет в течение 2-х часов. Мама кричала, соседи обливали ее водой, били по щекам, делали искусственное дыхание. И в один из моментов я очнулся.

Конечно, пока шла война, я не ходил в школу. Видел, как ходят другие ребята, завидовал им – мне всего этого не было дано. Ни детства, ни юношества, ни классного руководителя, которого вспоминают всю жизнь, у меня не было. Ничего этого не было. Учиться я пошел тогда, когда мне исполнилось 23 года.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Самый счастливый день в нашей жизни – это 9 мая! В 6 часов утра Левитан объявил о Победе советского народа над фашистской Германией. У нас тогда не было ни телевизоров, ни радиоприемников, ни телефонов, один только черный круглый репродуктор, где мы ежедневно, по силе возможностей, слушали сводки Информбюро о делах на фронте. Это придавало нам силы, стойкости, мужества выжить вопреки всему и победить. И своим трудом вложить маленькую лепту в общую Победу. И если бы мне сегодня кто-нибудь рассказал эту историю о том, что маленький мальчик спас от голодной смерти свою семью, я бы не поверил.

Я часто вспоминаю военные годы. Когда я рассказываю о своем детстве внукам, о том, как лес валил и как голодал, отдавая последние крохи братишке и сестренке, они слушают меня, затаив дыхание. Наверное, как страшную сказку, но со счастливым концом. А потом говорят: «Дедушка, неужели это было с тобой?» И всякий раз мне хочется улыбнуться и сказать: «Да нет, милые, я пошутил...» Но я знаю, что это было, было, было...

ЖЕРТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ РОССИИ

31 мая 2023 года в Концертном зале «Свиридовский» Курской государственной филармонии состоялся торжественный вечер «Жертвенное служение России», организованный Движением «Россия Православная» при поддержке Курского аккумуляторного завода и регионального отделения «Офицеров России» в Курской области.

Гостями мероприятия стали военнослужащие, ветераны боевых действий, медицинские работники, волонтеры, семьи участников специальной военной операции. Каждый из них добросовестно выполнял

свой воинский и гражданский долг и по праву заслужил слова благодарности за жертвенное служение во благо нашего Отечества.

Участников вечера приветствовал главный федеральный инспектор по Курской области Денис Барченков.

Перед началом мероприятия грамоты от министра внутренней и молодежной политики Курской области вручены участникам волонтерской группы «Помогаем нашим» Анне Мезенцевой, Елене Татаренко и Наталье Филимоновой, осуществляющим сбор и адресную доставку для мирного населения и

наших воинов гуманитарной помощи с первых дней проведения специальной военной операции в города Луганской и Донецкой народных республик, в госпитали и на передовую, в зону боевого соприкосновения.

Затем председатель Центрального Совета Движения «Россия Православная» Вячеслав Остапчук выразил слова благодарности председателю совета директоров Курского аккумуляторного завода Андрею Каменку за помощь и поддержку в подготовке торжественного вечера и вручил ему почетную награду Движения – крест «Десятина».

В этот вечер на сцене концертного зала чествовали тех, кто своими делами и поступками доказал свою любовь к родному Отечеству, многое сделал для поддержания мира и стабильности в стране.

В знак общественного признания и благодарности за верность Отечеству, героизм и доблесть, проявленные при выполнении воинского и служебного долга медалью «За веру и доблесть» были награждены сотрудники отряда специального назначения «Гром» УМВД России по Курской области майор полиции Станислав К., майор поли-

ции Евгений К., капитан полиции Владимир В., капитан полиции Максим З., старший лейтенант полиции Алексей Р. Сотрудники отряда специального назначения «Гром» выполняют служебно-боевые и оперативно-служебные задачи на территории не только Курского региона, но и в зоне проведения СВО, проявляя мужество и самоотверженность при выполнении служебного долга.

Среди награжденных также сотрудники ОМОН «Финист» Управления Росгвардии по Курской области майор полиции Евгений Г., старший лейтенант полиции Андрей М., старший лейтенант полиции Сергей Ч., с первых дней СВО выполняющие служебно-боевые задачи в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявляя при этом мужество и героизм. Многие из них отмечены государственными наградами.

Председатель Центрального Совета Движения Вячеслав Остапчук вручил медаль «За веру и доблесть» также ветеранам боевых действий – председателю президиума Общероссийской общественной организации «Офицеры России» в Курской области полковнику запаса Игорю Дегтяренко, капитану запаса Олегу Бедакову и старшему лейтенанту милиции в отставке Андрею Дюмину. Этих людей, уроженцев Курской области, объединяет боевая работа в период военной службы в Северо-Кавказском регионе по сохранению территориальной целостности Российской Федерации.

Медалью «За жертвенное служение» за самоотверженность и высокий профессионализм, проявленные в борьбе с эпидемией COVID-19, а также при исполнении врачебного долга по спасению жизни и здоровья

военнослужащих и гражданских лиц, пострадавших во время боевых действий, были награждены сотрудники выездной анестезиолого-реанимационной бригады Курской областной многопрофильной клинической больницы Алексей Репалов, Наталья Ковалева, Александр Руцкой, медицинские работники клинической больницы «РЖД-Медицина» Михаил Медведев, Юлия Пузик, Галина Шелепова, Светлана Комиссарова, Любовь Денисова, Елена Половинкина.

Председатель Попечительского Совета Движения «Россия Православная» Сергей Смирнов вручил медаль «За жертвенное служение» также участникам волонтерской группы «Помогаем нашим» – руководителю воскресной школы при храме Преподобного Сергия Радонежского г. Курска Светлане Филиной, передовикам по плетению маски-

ровочных сетей Марии Ереминой и Любови Богданской – за благотворительность и милосердие, оказание гуманитарной помощи опаленному войной мирному населению Донбасса, мужество и отвагу, проявленные при доставке в зону боевых действий гуманитарной помощи и снаряжения для военнослужащих.

В память о тех, кто отдал свою жизнь при защите Отечества в ходе специальной военной операции, а также в память о мирных жителях Донбасса, погибших от рук неонацистов, была объявлена минута молчания.

Затем участников торжественного вечера «Жертвенное служение России» приветствовал хор Московского Сретенского мужского монастыря под руководством заслуженного артиста России Никона Жила и дирижера Андрея Башкова.

В ЭПИЦЕНТРЕ БОЛИ

Работа врачей и медсестер на поле боя и в прифронтовых госпиталях тяжела и опасна. Их роль сложно переоценить, ведь жизнь бойца зачастую зависит именно от тех, в чьи руки он попадет в первые часы после ранения. О тех, кого на фронте не просто уважают, а боготворят, наш рассказ

БУДНИ ПОЛЕВОГО ГОСПИТАЛЯ

На некоторых участках фронта этих специалистов невероятно мало. Поэтому их здесь не просто уважают, а боготворят и берегут как зеницу ока. Такой оказалась сестра-анестезист Любовь из московской больницы, в конце прошлого года отправившаяся в зону СВО. В беседе с корреспондентом «МК» она рассказала о работе полевого госпиталя на передовой.

— Как восприняли новость о начале СВО?

— Наверное, как и все. С тревогой. Как можно еще воспринимать такое? Когда это все начиналось в 2014 году на Донбассе для нас, обычных людей, это все было тоже ужасно, но далеко. Мы сочувствовали, переживали, но это была просто картинка в телевизоре. А вот год назад беду ощутили уже в каждом доме, каждой семье.

У меня очень большая и дружная семья. И у меня самые замечательные мальчишки: два зятя, сын. Никто из них не захотел прятаться или куда-то уезжать. Этот вопрос просто не поднимался, хотя возможности были... В сентябре мобилизовали зятя. Моя дочь тогда только родила, на руках еще один маленький ребенок — полтора года. Нашего Колю довольно долго, примерно с месяц готовили в Москве, а потом отправили на фронт. Когда зятя отправили, естественно, начались переживания. Это все настолько стало близко. Я не знала, чем могу помочь и что с этой тревогой делать дальше.

— И Вы решили поехать туда?

— Первым из нашей реанимационной бригады поехал наш заведующий. Его вызвали в департамент здравоохранения и спросили, не хочет ли он съездить на две недели в командировку. Он поехал, хотя тоже мог отказаться, потому что он заведующий и на нем огромный пласт работы.

Когда он вернулся, мы тоже стали искать пути, как можно еще помочь. В процессе выяснилось, что можно поехать от волонтером. Я связалась с кураторами и попросила направить меня в Луганск, к зятю. Мне перезвонили и сказали: «Знаете, в Луганске более-менее есть силы. А на самом деле, очень требуются люди на "первую линию". Там все сложно, людей не хватает». Я сразу согласилась, хотя, конечно, было страшно.

Поехала с командой из пяти человек. Кроме меня, из Москвы поехал врач-анестезиолог, молодой совсем. Я сначала на него поглядывала с опасением, еще думала: ты-то куда едешь? Но оказалось, что я ошибалась. С ним работать было одно удовольствие: хваткий, умный, толковый. Вместе с нами были еще три хирурга из Тюмени, примерно моего возраста или постарше.

— Что Вы брали с собой?

— Мне честно сказали: вы едете на две недели, берите все, что вам будет нужно для работы. И не только для меня лично, но и для раненых. Мой чемодан собирали всем миром: сладости, нижнее белье, носки... Потому что раненые поступают из окопов — все перепачканы, в земле, грязные. Часто снять одежду нельзя, ее приходится разрезать. После этого ребят надо же во что-то одеть. Я думала, что везу с собой очень много — аж целых 50 пар мужского белья, носков. Но оказалось, что это всего лишь незначительная часть. Все мгновенно разлетелось.

Брала с собой также расходный материал, полезную мелочевку, которая сильно облегчает работу. Потому что растворы и лекарства присылают. А вот без мелочевки — переходников, катетеров, наклеек — в операционной очень сложно.

— А как Вы добирались до госпиталя?

— Так как мы волонтеры, то ехали за свой счет. Но в нашей больнице замечательный коллектив. Когда там узнали о моей командировке, сразу стали скидываться на дорогу, никто не остался безучастным. Скидывались даже соседи из моего дома. В итоге я поехала за счет нашего коллектива и сосе-

дей. Ехали до Ростова. А там нас встретила машина и отвезла уже в госпиталь. От Ростова до передовой в общей сложности добирались часов пять. Хотя в мирное время там совсем рядом. Где-то ехали в обход. Там всюду блокпосты. Но видимо, там уже наших сопровождающих знают. Когда останавливались, они говорили: мы медиков везем, и нас сразу пропускали.

Мы проехали границу (хоть она сейчас уже и условная), и где-то через час езды уже все было понятно — мы в зоне СВО: разбитые дороги, разрушенные дома. Ни одного человека на улицах. Как в фильме ужасов.

Ощущение нереальности. Помню, ехала и думаю: Господи, куда я вообще еду? Неужели это с нами происходит? В Москве по телевизору все это видеть — одно, в реальности — совсем другое... Потом мы подъехали к госпиталю. Соседний городок пустой, редко-редко какие-то бабульки встречались. Такие были первые впечатления.

— Как Вас встретили в госпитале?

— Когда приехали, нам тут же сказали, что нельзя никому из родных говорить, где мы находимся. И попросили вытащить сим-карты. Мы приехали, переоделись и тут же все пошло в операционную. Операционная работает круглосуточно, потому что бойцы поступают и поступают. А потом в первый же день нас бомбили. Судьба, наверное, испытывала на прочность. Вообще, я коренная москвичка и бомбежки видела только в художественных фильмах... Рассказывать об этом, на самом деле, страшнее, чем там находиться во время бомбежки.

— Вы работали прямо во время бомбежек? Как Вы справлялись со всем этим?

— Человеческий мозг, видимо, так устроен. Страх отключается, когда надо профессионально выполнить работу. Я понимала, что прямо сейчас нужно спасти человека и просто делала свое дело. Постоянный грохот за окном вызывал уже не страх, а раздражение: «Ну сколько можно, тут операция идет!» Такие мысли были. А потом мы просто включали музыку на всю катушку. Через неделю я стала по звуку понимать — мы бомбим, нас бомбят или работает ПВО.

Когда нас бомбят — стекла по-другому дрожат, сам звук более глухой. Когда наша артиллерия работает — звук более звонкий, и стекла почему-то так не дрожат. Когда ПВО срабатывает звук более объемный, тоже стекла дрожат, хотя там их почти не осталось...

Из-за постоянных обстрелов нам из больницы выходить нельзя было, а потому жили, можно сказать, в операционной. В мирной жизни наша комната, наверное, была послеоперационной палатой.

В бронезилете работать было нереально. Ну, максимум, час можно выстоять из-за его веса. Я даже не представляю, как ребята в них постоянно ходят. Я один раз на себя примерила бронезилет и каску и отказалась, потому что в них это не работа.

Когда бомбежка сильная, эвакуироваться можно было в подвал, туда прибегают мирные жители. Они приходят, знают, что в больнице есть, где укрыться. Другое дело, что там постоянно эти обстрелы. Но нужно работать, а не прятаться. Представьте, что обстрел, стекла дрожат, бомбят, а у вас на столе лежит мальчишка, которому живот открыли и делают операцию. Что вы сделаете? Побежите вниз?

— А с чем сложнее всего свыкнуться человеку, привыкшему к комфорту?

— С тем, что нет воды. Там только в одном месте есть огромные цистерны. И туда как-то привозят воду, перекачивают в них. Это единственное место, где можно най-

— Как проходили Ваши дежурства?

— Там нет дежурств. Там просто работаешь всегда, практически бесценно. Если чувствуешь, что край, тогда говоришь: «Ребята, я ушла спать». Идешь в соседнюю комнату, спишь 2-3 часа и назад в операционную. Совсем без сна можно отработать до полутора суток. Это тоже много, под конец — как зомби. Сутки без сна — оптимально.

Я когда ложилась, все время прислушивалась, если не смертельно уставала. Если двери ходуном ходят — отдых заканчивался, вставала и шла в операционную, потому что понимала, что ребят много привезли. С врачом, с которым работала в паре, была договоренность: мы друг друга сменяли, если в операционной все более-менее было в порядке. Там нет нормированного дня — там работают, работают и работают.

У нас было три операционных. Но на них персонала не хватает. Поступает, скажем, десять тяжелых раненых. А по сути, работает только одна операционная, две — максимум. Для одной операционной должна быть медсестра, анестезиолог и два хирурга. Один хирург работать не может. Это минимум. Мы приехали, и в госпитале были два анестезиста и пять хирургов. Наши хирурги хотя бы сортировали бойцов, могли оказать первую помощь, пока работала операционная. Мы уехали, там снова остались три хирурга и одна сестра-анестезист. Это сложно.

— Какое дежурство, хотя таковых там и нет, для Вас было самым тяжелым?

— Тяжело было видеть жуткие ранения бойцов. Когда я впервые увидела ранение в голову, аж обмерла, говорю: «А это что?» Врачи опытные говорят: «Снайпер работает». Боже мой... А я думала, что здесь снайперов нет. А врачи: «Ну, да. Еще как есть!»

Чаще всего ранения встречались взрывные: в живот, руки, ноги. Много ранений из-за того, что ребята во время затишья снимают броники и каски и попадают. Понять можно, в бронезилетах все время находиться тяжело. Вообще, по количеству поступавших бойцов мы понимали, какие сражения идут. Если легкие, то затишье, если тяжелые пошли, значит, сражения начались.

За каждого бойца медики бьются до остервенения. Не останавливаются. И спасают. На самом деле, за две недели, пока я там работала, реальная смерть была только одна. Не знаю, как дальше складывается судьба наших ребят, потому что их потом в тыл отправляли. Не все выживают, это понятно.

— Чем отличается госпиталь «первой линии» от работы в обычной операционной?

— Бойцов очень много, рук не хватает, хочется скорее помочь, успеть. Одного оперируешь, и не знаешь, что с теми, кого только что подвезли. Нужно делать все очень быстро. Но это «первая линия», тут не бывает длинных операций. Самая сложная длится минут 40. Как правило, ребятам останавливали кровотечение. Сосуды коагулировали, пережимали, чтобы ребят можно было в тыл отвезти. Если это ампутация, то опять же нужно было остановить кровотечение, пережать сосуды, артерии так, чтобы боец доехал до тыла без потери крови. Прямое переливание крови мы тоже делали.

Я работаю в таком отделении, где кровотечения бывают часто. В московской больнице переливаем больным кровь часто и много, бывает, по 2-3 дозы. Но тут я была просто в шоке, когда видела, что делает живая кровь — ребята розовели прямо на столе. Вот что значит прямое переливание.

Если нужна кровь, машина ехала на передовую, привозила оттуда 7-8 человек. Мы тут же определяли группу и переливали кровь. Ребята все проверенные. Но тут уже выбора нет... Парни все очень отзывчивые. Один, помню, говорит: «Сестричка, берите больше, я крепкий, берите больше». Я ему: «Мой золотой, больше нельзя». Он в ответ: «Да, нормально все». После сдачи крови говорю, нужно выпить горячий чай и 4-5 часов иди поспи, есть выделенное место. Они говорят: «Да, вы что?! Давайте сладкий чай и все, везите нас обратно, там наши».

— А еще можете вспомнить истории, которые Вас тронули?

— Был такой случай. Привозят бойца, примерно лет тридцати, ампутация. Руки нет, он со жгутом. Спрашиваю его, когда было ранение. Он говорит, что примерно пять часов назад. Естественно я начинаю

ругаться: «Да ты с ума сошел! Почему? Тут всего ничего до госпиталя. Что ты делал?» Он говорит: «Я друга ташил». Я-то знаю, что друг уже погиб... «Слушай, мой дорогой. Ты же понимаешь, что друг уже умер, надо было себя спасти?» Он говорит: «Я понимаю. Поэтому и ташил». Понимаете, они не оставляют погибших ребят, чтобы их близкие могли проститься.

– А, вообще, отличаются пациенты на передовой от обычных?

– Они невероятно терпеливые. Я таких никогда не видела. Возможно, у них происходит какая-то переоценка жизни. Не было ни одной истерики, как это бывает в мирной жизни. Если ранения небольшие, но все равно нужно в тыл, они просили «просто перевязать». Очень часто от них слышала: «Я не могу куда уезжать, отправляйте меня обратно». Это просто какая-то фантастика – до сих пор не могу этого понять. А бывает бойцы на стол кладешь, он говорит: «Сестра, посмотри, как там мой товарищ», позывной называет. Говорю: «Все нормально, он живой». А он: «Если там больше нужны руки, лучше ему первое помогите». Знаете, если бы фильм сняли, я бы сказала, что такого быть не может, что это все выдуманные истории.

– А какого примерно возраста? И сколько человек в среднем поступало?

– Поступает немало. Но они не все тяжелые, слава Богу, и не все проходят через операционную. Есть и легко раненные. Все разного возраста. От 23 лет до зрелого возраста. Не могу сказать точно, какого возраста, потому что когда поступает боец, я даже имени его не знаю. Мы записываем его позывной и все. Я не знаю ни одного имени.

– А Вы бойцов как-то поддерживали морально или только на работе были сосредоточены?

– Конечно, старались приободрить. Не только лицо, руки почистить от грязи и крови. Особенно молодых мальчишек. В вену колешь: «Господи, сынуля, посмотри, какие у тебя мышцы, какой ты красавчик». А он в ответ: «Я что, такой грязный?» Отвечаю: «Нет, просто сейчас твои глаза отмою, посмотрю, какого они цвета». Мы старались с юмором, с добром. А так если парень без руки, сами понимаете...

Хотя они молодцы, они очень терпеливые и настроенные на победу. И, кстати, возмущены несправедливым к ним отношением. Многие на операционном столе лежат, в полубреду: «Ну, почему? Мы мирных защищаем, стараемся их выводить. Почему врут, что мы над мирными издеваемся?» Знаете, когда наркоз начинает действовать, язык развязывается. Если они об этом говорили, значит это их тревожило.

– А со стороны противника к Вам на операционный стол попадали?

– При мне не было. Но хирурги рассказывали, что был украинец. Как попал – неясно. Привезли. Наши хирурги говорят в шутку: «Его возьмем в последнюю очередь». А наши мальчишки раненные говорят: «Доктор, посмотрите, ему тяжело, спасайте...» Знаете, на фронте мальчишки врага бьют. Но в таких ситуациях у наших проявляются и человечность, и сочувствие.

– О политике не говорили?

– Я сначала думала, что наверняка будут разговоры, кто прав, кто виноват. Но мы занимались только тем, что спасали жизни и о политике вообще не говорили. Один раз, правда, был разговор. Я как-то спросила у санитарочки, она украинка: «Слушай, мы в госпитале живем, а как ты на улице выходишь? Не страшно?» Она сказала: «Страшно будет, если вы отсюда уйдете. Потому что нас всех расстреляют». Это факт. Они очень боятся, что их бросят. Поэтому никто не обращает внимание на то, что дома разрушены, что холодно. Я ни от кого не слышала жалоб. Одна мысль – чтобы их не бросили.

– Чего-то не хватает из материалов?

– Растворов, инструментов, мелкой «расходки», одеял, подушек, памперсов, пеленок. Волонтеры очень помогают. В Ростовце-на-Дону есть ребята, они в соцсетях пишут, что нужно, и им присылают посылки. Потом они из Ростова эти посылки сами возят на «первую линию», в госпиталь. Нам они привезли одеяла, тряпки, чтобы протирать операционные столы, ребят мыть. Они очень много нам белья высылали, подушек, памперсов, лекарств, шприцов.

– Что Вам помогло морально справиться с новым, порой жутким опытом?

– Я решила поехать, когда мобилизовали зятя. Ехала с той мыслью, что если и нашему Коле будет нужна помощь, он ее дожидается. Две недели я жила с этой мыслью. Делала для ребят все возможное, как для своих детей. Я не могу сказать, что я очень верующий, воцерковленный человек. Но в такие минуты я верю, что добро обязательно вернется.

– Зять знал, где Вы были эти недели?

– Да. Первая реакция была отрицательная. Коля пытался отговорить, но понял, что это бессмысленно. А когда я вернулась домой, он позвонил, чтобы поздравить меня с днем рождения, и в конце сказал: «Спасибо большое, что Вы там были...» Не знаю, как объяснить, но я еще там, поняла, насколько востребованная и нужная у меня специальность. Здесь в Москве, я такой своей нужности не чувствую.

– Вы бы хотели поехать туда снова?

– Здесь в Москве, у меня появилось чувство стыда, потому что я тут в тепле, здесь все нормально, всего хватает, а там по-другому. Очень мало медиков туда ездит, а они там очень нужны. Там местных врачей практически нет: кто-то в Россию, кто-то на Украину уехал. А работать некому. Я теперь понимаю, почему туда люди возвращаются, потому что только там понимаешь, что твоя помощь очень нужна.

САНИНСТРУКТОР ВТОРОГО ЭШЕЛОНА

Александр – обычный хирург-дежурный одной из московских больниц. В начале СВО добровольцем отправился туда санинструктором. Публикуемое интервью с ним корреспондента MSK1.RU – рассказ о буднях медиков на передовой.

– Как Вы оказались в зоне боевых действий и почему решили туда отправиться?

– Врачу крайне просто попасть на фронт. Я пришел в военкомат и сообщил военному комиссару, что хочу помогать раненым. На что он так же просто мне ответил: «Прекрасно, у нас как раз формируется отряд добровольцев! Там и врачи требуются. Готовы пойти?» Недолго думая, я согласился. Оказаться в качестве врача в «горячей точке» давно было моим тайным желанием.

Еще во время сборов на военной кафедре в медицинском институте я ощутил тягу к военному снаряжению, оружию, технике, форме. Мне нравилось ощущать себя частью этого. Помню, в отличие от «сослуживцев», очень сожалел, что сборы длятся чуть меньше месяца. В итоге я получил военный билет с надписью «годен» и званием «лейтенант медицинской службы запаса».

В конце февраля 2022 года у меня как раз был перерыв в работе – больница «отмылась» после COVID-19, я практически целыми днями не мог оторваться от телеграм-каналов. Смотрел абсолютно все новости по этой теме. Многие кадры были очень жесткими: пленные, тяжелораненные, убитые с обеих сторон, корпуса бронемашин, сгоревшие полностью вместе с экипажами...

Все это вместе дало странный эффект: мне стало очень страшно, но вместе с тем я вдруг осознал, что просто обязан быть там как врач и как человек. Я буквально увидел себя среди этих искореженных машин и вы-

горевших домов, хотя еще и не представлял, каким образом и в качестве кого конкретно поеду. Но уже знал, что окажусь там. Не каждый, сидя на диване в телеграм-каналах, принимает решение отправиться в зону боевых действий. Но именно так в итоге со мной и случилось – я отправился на фронт.

– Какие были ваши первые впечатления от командировки?

– Очень яркие. Я оказался практически на передовой, был военным фельдшером и даже ниже: эта должность называется санинструктор. А если по-современному: тактический медик или парамедик. Хотя санинструктор лично мне почему-то больше нравится. Так что, мягко говоря, военкомат меня не совсем туда направил. Тем не менее со своими непосредственными обязанностями я справился. Ну а вообще, что касается моих впечатлений вообще, то на первом месте был страх: страх смерти, боли, страх получить тяжелое ранение, контузию, страх остаться инвалидом. Но потом на душе стало спокойно: что будет, то и будет. В конце концов это может в любой момент случиться и в мирной жизни.

Еще было воодушевление, радость и гордость от того, что оказался и живу в условиях, о которых большинство людей на планете знают только по книгам и фильмам. От того, что сумел выйти далеко и надолго за пределы своей зоны комфорта, выжил и вернулся. Радость от того, что не остался в стороне, что, рискуя жизнью, принимаю непосредственное участие в истории своей

Это, безусловно, очень опасно, но стоит сказать, что девяносто пять процентов времени пребывания там проходят спокойно. Так было у всех в моем подразделении, ведь мы были во втором эшелоне. Из двух месяцев действительно горячими у нас были буквально 10 дней.

– Быть полевым врачом оказалось сложнее или легче, чем гражданским хирургом?

– Сама работа оказалась, на мой взгляд, куда проще, чем на «гражданке». Не нужно быть врачом, чтобы просто заткнуть рану, замотать ее, наложить жгут, примотать кость к туловищу. Или оторванную руку примотать к телу, чтобы она где-нибудь по пути не потерялась, ну и так далее в том же духе.

Оказание первой медицинской помощи и вынос раненых с полей сражений – это, по сути, и было моей основной обязанностью.

Главное – как можно быстрее погрузить раненого в машину, которая отправит его в госпиталь, и в госпитале, если они успеют его спасти, уже будет оказываться полноценное лечение – ему будут шить артерии, шить нервы, вены, наблюдать после операций и прочее. Жизнь раненого напрямую зависит от того, насколько быстро и правильно он будет обнаружен, перевязан и транспортирован в госпиталь подальше от места боевого контакта с противником.

– С какими трудностями вы столкнулись на СВО?

– Самое тяжелое для санинструктора – то, что надо идти, а точнее ползти или бежать в простреливаемую зону, туда, где уже был ранен один боец и, возможно, противник. Например, снайпер противника, специально стрелявший в ногу или руку, как раз и ждет подхода второго, чтобы раненых стало два. А также то, что оказывать медицинскую помощь часто приходится в совершенно неподходящих условиях: дождь, грязь, осыпающаяся в окопе земля, густая трава, кустарник, кузов прыгающего по ухабам «Урала».

Часто помощь оказывается из положения лежа на спине или боку, ведь бой не прекращается: летят пули и осколки. Возможно, в данный момент противник уже через беспилотник видит, что идет эвакуация раненого санинструктором, и как раз наводит миномет на этот участок.

– Какой был самый сложный случай?

– Однажды наш взвод в деревне попал под сильный артиллерийский огонь. Мы сидели за столом на улице и обедали, когда услышали «выходы» – хлопки ракет, выходящих из направляющих, а потом быстро нарастающий свист. Мы забились в подвал всей толпой – и не зря: над нами начались многочисленные прилеты. Бетонный потолок подвала весь дрожал, к нам прибежала ошалевшая от страха деревенская псина и забились в самый дальний угол. И тут я услышал крики снаружи, от которых похолодел: «Док, быстрее! Где док?»

В подвал вбежал боец из соседнего взвода: наверху есть тяжелораненные. Он буквально тянул меня за рукав наружу. А наверху все гремело и содрогалось. Я насилу уговорил его дожидаться хотя бы небольшого затишья. Тогда мы вышли и быстро побежали по деревенской улице. Не успели мы пробежать и 100 метров, как снова услышали «выходы» и свист. Я крикнул второму бойцу «ложись!» – нырнул в какую-то канаву возле большого дерева и плотно закрыл уши ладонями, что взрыва даже не услышал.

Меня подбросило и засыпало землей и камнями. Когда поднялся, увидел в 25 метрах от себя огромную воронку и дымящийся фрагмент облочка снаряда.

Следующие прилеты были уже во время эвакуации раненых. С одним из раненых я укрылся между массивных колес КАМАЗа, а со вторым в обнимку снова упал в канаву. На этот раз снаряды пролетели над нами и угодили в дома на соседней улице, в которых оказались склады боеприпасов ДНР, моментально вспыхнувшие. Во время погрузки раненых в «Урал» прилеты продолжались. Удивительно, что больше никто не был ранен или убит в тот день, потому что брезентовые тенты «Уралов» от осколков не защищают совсем.

Потом мне сказали, что то, что я не получил от разрыва снаряда даже контузии – большая удача. А дома со складами ДНР выгорели полностью: остались только кирпичные стены и печи. Вот такая была работа. Но справедливости ради надо сказать, что подобный «экшн» происходил далеко не

каждый день. Все-таки мой взвод большую часть времени на передовой не находился и активных боевых действий не вел. Да и далеко не каждый артобстрел наших позиций заканчивался ранеными – попасть в человека или автомобиль с большого расстояния очень непросто, и большинство снарядов либо не долетают, либо перелетают цель.

– *Сколько человек спасли?*

– За все 2 месяца командировки я оказал помощь всего 8–10 раненым. И еще около 40–50 заболевшим разными болезнями: начиная от укуса клеща и заканчивая панкреатитом, радикулитом, почечной коликой и пневмонией. Почти всех заболевших я старался сразу эвакуировать в госпиталь, поскольку не было возможности ни сделать рентгеновский снимок, ни поставить капельницу, ни провести нормальный курс антибактериальной терапии. Можно сказать, что, с точки зрения врачебной помощи, это очень простая работа: чаще всего она заключается в наложении жгута, повязок, обработке ран перекисью и антисептиками, введении обезболивающих, организации эвакуации.

С точки зрения психологической и физической нагрузки эта работа очень тяжелая.

– *Тяжело ли проводить эвакуацию?*

– Эвакуация и погрузка на борт БМП тяжелораненого бойца в амуниции с общим весом под 100 кг на самодельных носилках из толстых жердей и бушлатов стоит многих физических усилий: 4 здоровых мужика за 15 минут выбиваются из сил.

– *Что больше всего раздражало?*

– Если касаться не медицинской деятельности, то с тем, что нет возможности нормально помыться и совершать все гигиенические мероприятия, тяжело смириться.

Реалии СВО: окоп, сырая земля, лесополоса, насквозь продуваемая ветром. Костры жечь нельзя (демаскировка), спишь на земле и кладешь под себя все, что есть. Конечно, мало кому удавалось нормально выспаться.

Но, проведя в общей сложности два десятка ночей в сырых окопах и плохо отапливаемых подвалах, я не заболел и не впал в уныние. Для меня это как бы был один большой, долгий и опасный поход.

Слышал, что ситуация у идущих за нами добровольческих батальонов с обеспечением стала значительно лучше, из-за чего условия в целом стали комфортнее – появилась и баня, и горячая еда, и электричество. Стало легче.

– *Командировка как-то поменяла вас как человека или как специалиста и как вы оцениваете весь приобретенный новый опыт?*

– Глобально моя жизнь не поменялась. Я вернулся на старую работу и испытал сильнейшую скуку. Но вместе с ней был большой душевный подъем, который был связан с тем, что я вышел далеко за зону своего собственного комфорта и смог преодолеть самого себя.

МЕДСЕСТРА РАЙБОЛЬНИЦЫ

Московская медсестра Ирина добровольцем отправилась в зону СВО, оставив дома четверых детей. В беседе с корреспондентом «Ленты.ру» она рассказала о жизни в зоне боевых действий, работе под огнем и охоте на российских медиков.

– *Почему Вы решили отправиться в СВО?*

До начала СВО я работала в красной зоне больницы и даже получила медаль. Но пандемия шла на спад, ходили слухи о сокращениях. Я понимала, что придется искать новое место работы – и вдруг узнала, что военкомат набирает медиков – требуются специалисты на второй-третьей линии от передовой, куда доставляют раненых после оказания первой помощи для проведения операций. Признаться, честно, я колебалась – у меня четверо детей, которых я воспитываю одна. И тогда я решила поговорить с ними, чтобы узнать, что они думают. Особенно мне было важно мнение старшего сына, на которого должна была лечь основная нагрузка и ответственность за остальных. Дети поддержали меня. На помощь приехала и мама.

Я понимала, что поездка в зону боевых действий – это, с одной стороны, возможность помочь раненым солдатам и офицерам, а с другой – получить колоссальный профессиональный опыт. Причем, пока я принимала решение, мне регулярно звонили из военкомата: я знала, что там, где идет СВО, очень нуждаются в медиках.

В начале августа 2022 года я подписала полугодовой контракт, после чего меня на три недели отправили в учебку – осваивать тактическую медицину. Из таких же, как я, сформировали отдельную медроту. Наш распорядок дня в учебке был как у солдат-срочников, а носили мы армейскую форму, бронежилеты и каски: к ним нужно было привыкать.

Три недели спустя был собран эшелон Минобороны: нас – где-то 700 человек – доставили в Ростовскую область. А еще день-два спустя мы пересекли границу и началась моя служба в зоне СВО.

– *Каким был Ваш первый день там?*

– Я чувствовала страшную тревогу – оказалась в какой-то другой реальности, где нельзя расслабляться и нужно постоянно быть начеку. Чтобы мы были готовы к неожиданностям и находились в тонусе, офицеры специально пугали нас. Нам говорили, что противник открыл за нами охоту.

Однажды рядом с нашим местом ночлега кто-то стал стрелять из автомата – я не знаю, что это было, но после мы не спали всю ночь и сидели, обхватив головы руками. Все думали примерно об одном: здесь действительно идут бои, здесь тебя могут убить еще до того, как ты успеешь сделать что-то полезное.

Но сейчас я понимаю, что офицеры, обучавшие нас, все делали правильно. Там, где я оказалась, действительно все время нужно быть начеку.

– *Вам приходилось работать под огнем?*

– Конечно! По факту мне пришлось нести службу не на второй-третьей линии, как я ожидала, а на первой – фактически на передовой. Мы работали под огнем, проводили первичную хирургическую обработку ран, накладывали лигатуры для перевязки кровеносных сосудов и отправляли пациентов дальше, в госпитали. Мы были первыми, к кому попадали раненые.

Часто боец после ранения теряет кровь – например, у него осколочное в живот. Понятно, что ему нужна срочная операция: надо быстро дать наркоз, открыть живот и зажать сосуд, который кровоточит. Потом закрываем, подшиваем – и раненый едет на второй этап, где все дорабатывают как надо.

Однажды к нам доставили парня с осколком в спине – и, когда мы достали этот окровавленный осколок, от него еще шел пар. Боец попал к нам меньше чем через 15 минут после ранения. Конечно, все это было очень далеко от гражданки – такого нет даже в медицине катастроф.

Тут мы как-то раз провели сразу четыре ампутации за полдня – это несравнимые вещи. В зоне СВО работаешь не по графику, не с выходными – ты трудишься все время,

круглосуточно. Разве что было время, когда по какому-то негласному правилу огонь прекращали с 23:00 до 6:00. Можно было отдохнуть, тем более по ночам раненых не эвакуируют – слишком опасно. Но потом опять стали стрелять круглосуточно.

Больше всего времени я провела под Кременной – на территории ЛНР. За полгода службы через меня прошли пять тысяч раненых. Вообще, обычно медроты принимает раненых своего полка. Но так вышло, что в зоне, где мы находились, было несколько подразделений – и всех везли к нам. Мы справлялись: никому не отказывали, всем помогали.

По статистике из медицинского журнала, у нас в среднем было 180–200 раненых в день. Мы всегда были в режиме готовности – особенно перед нашим наступлением или контрнаступлением противника. Как правило, нас оповещали об этом за несколько часов, и мы всякий раз готовились к приему пострадавших.

– *Какие случаи из практики Вам запомнились больше всего?*

– Однажды утром к нам привезли бойца – осколком мины ему срезало часть лица, которая держалась на левой половине. Мы как могли максимально подшили его, чтобы он смог добраться до операционной в боль-

коллеги шли на этот риск – писали, что мы живы, что с нами все хорошо. Связь с родными помогает выстоять.

– *Правда ли, что противник охотится за российскими медиками?*

К сожалению, это так. Украинские военные регулярно закидывают сообщения в разные гражданские каналы, где обещают вознаграждения за нас. Причем за голову российского врача платят хорошо – а потому страшно, ведь убить может не только боец противника, но даже гражданский.

В зоне боевых действий мы не знали, что за люди нас окружали, но я с негативом от мирного населения не сталкивалась. Тем более что люди сами к нам постоянно шли за помощью. Если кто-то из гражданских получал осколочное ранение, он хотел попасть именно к военным медикам, а не к обычным врачам.

Как-то к нам привезли женщину с осколочным в живот: она кричала от боли и страха и очень просила не посылать ее в обычную больницу – говорила, что останется с нами. В итоге на втором этапе эвакуации она действительно поехала с военными. Мы постоянно помогали гражданским, а под Новый год делились с ними подарками.

Местные жители везли к нам детей, которым мы давали конфеты и сухпайки. Их почему-то дети очень любили – мальчишкам они были даже интереснее конфет.

– *Новый год Вы тоже встречали в зоне СВО?*

Да, я была в Кременной. Пока одни медики бегали на операции, другие пытались накрыть новогодний стол. Но сразу после полуночи стали поступать раненые, и все пошло в операционную. Закончилась работа только к четырем утра: я, еще одна медсестра и двое врачей открыли бутылку шампанского и выпили ее вместе. Такой вот праздник.

Из зоны СВО в Москву я вернулась не одна, а с котом Агатом, общительным и невероятно ласковым. Он в Кременной прибил к нам, мы стали его подкармливать, а он стал нам помогать. Дело в том, что к нам поступают две категории бойцов – раненые и контуженные. Тем, у кого раны, ты помогаешь в первую очередь, а контуженные в это время ждут своей очереди. При этом порой их состояние бывает очень плохим: они и кричат, и плачут.

И вот Агат – так его прозвали из-за похожих на этот камень глаз – стал прыгать к таким людям на колени и громко урчать, ласкаться. Тогда контуженный боец, находившийся в шоковом состоянии, начинал немного отвлекаться: гладил кота, общался с ним. Бывало, что пострадавший с нами-то говорить не мог, а с котом у него как-то контакт налаживался. В общем, Агат стал нашим психотерапевтом, и, уезжая, я решила взять его с собой – он очень боялся взрывов и обстрелов.

Мои дети встретили меня на вокзале – и это была неописуемая радость, когда мы вновь оказались вместе.

– *Сложно ли Вам было возвращаться к мирной жизни?*

Это очень необычное ощущение. Здесь совсем другой мир, и люди, живущие в нем, даже не представляют, что происходит там, в зоне боевых действий. Может, это и к лучшему. А еще, на уровне подсознания, время там течет по-другому. Ты возвращаешься и удивляешься: ничего себе, оказывается, на гражданке что-то поменялось.

А мне говорят – да это давно уже случилось, месяца два или четыре назад. А для меня как будто этот мир остановился в тот момент, когда я отправилась на передовую. Конечно, тем бойцам, которые возвращаются домой, нужно оказывать психологическую помощь.

Психотерапевты обязательно должны работать с теми, кто побывал на передовой, – им нужно внимание со стороны общества и государства. А я сейчас хотела бы поработать в госпитале Бурденко – там много наших раненых бойцов. Уверена, мой боевой опыт там мог бы очень пригодиться.